

XALQ ERTAKLARI TARJIMASIDA OLAM LISONIY MANZARASINING AKS ETISHI

Dadamirzayeva Maloxat Valiyevna,
Roman-german tillari tarjimashunosligi
kafedrasi dotsenti, O‘zDJTU
valiyevna73@mail.ru

Annotatsiya. Ushbu maqolada fransuz olam lisoniy manzarasini tarjimada ifodalaniishi haqida so‘z yuritilgan. Tarjima qanday bo‘lishidan qat‘i nazar, ertaklar boshqa mamlakatning ertak tizimiga juda yaqin bo‘lsagina idrok qilinadi va o‘zlashtiriladi.

Kalit so‘zlar: tilshunoslik, tarjimashunoslik, fransuz tili, badiiy adabiyot, xalq ertaklari, tarjima qiyinchiliklari, semantika, so‘z ma‘nosi.

Аннотация: В данной статье говорится о выражении языковой картины французского мира в переводе. Независимо от перевода сказки воспринимаются и усваиваются только в том случае, если они очень близки к системе сказок другой страны.

Ключевые слова: языкознание, переводоведение, французский язык, художественная литература, народные сказки, трудности перевода, семантика, значение слова.

Abstract: This article talks about the expression of the linguistic landscape of the French world in translation. Regardless of the translation, fairy tales are perceived and assimilated only if they are very close to the fairy tale system of another country.

Key words: linguistics, translation studies, French language, fiction, folk tales, translation difficulties, semantics, word meaning.

Художественная литература во Франции долгое время являлась доминирующей среди других областей гуманитарных наук. Народная сказка, напротив, оставалась неизвестной за исключением нескольких сказочных сюжетов из французского сборника Шарля Перро и немецкого сборника братьев Гримм. Да и то, эти сказки долго считались предназначенными исключительно для детей с бабушками и дедушками. И естественно, французский читатель был совершенно незнаком с русскими сказками и не слышал об А.Н.Афанасьеве.

Переводить произведения русской художественной литературы на французский язык начали в середине XIX в., но первые переводы русских сказок появились только после второй мировой войны. С 1970 г. улучшилось качество этих переводов и выросло их число. В это время появился перевод книги В.Я.Проппа «Морфология сказки», а также были опубликованы труды психоаналитиков о влиянии сказок на детские умы.

Эти книги, каждая со своих позиций, обратили внимание на значение старинных рассказов, к которым до тех пор относились свысока. Все тогда

изменилось: сказка вошла в моду, начали переиздаваться имеющиеся, а также полузабытые сборники, переводились и новые. Сказочники стали выступать в школах, в библиотеках, появились научные статьи о сказках.

Таким образом, до 1970-х гг. не было ни одного качественного перевода русских сказок. Чем это объясняется? Тексты сказок, которые входят в детскую литературу, считались недостойными внимания профессионального переводчика. Однако они не настолько просты, однозначны, как это кажется на первый взгляд. Они подчас подразумевают очень много разных языковых, исторических, мифологических, социологических и даже бытовых контекстов и подтекстов. Кроме того, тексты А.Н.Афанасьева, отличающиеся ярким стилем, требуют от переводчика умения передать на своем языке ритм формул и всего сказа. По крайней мере, к этому надо стремиться.

В этой статье я остановлюсь исключительно на вопросах понимания терминов. С этой целью я введу следующие научные термины: исходный язык и язык перевода (если я перевожу с русского языка на французский, то русский язык будет исходным языком, а французский – языком перевода). В наших рассуждениях нужен и другой термин – семантическое поле определенного термина. На исходном языке какой-то термин (или выражение) обладает одним смыслом (иногда двумя или тремя). Это его семантическое поле. На языке перевода соответствующий (по указаниям словаря) термин также обладает двумя или тремя смыслами. Чаще всего совокупность этих значений, т.е. семантическое поле термина языка перевода не идентично семантическому полю термина исходного языка. Семантические поля указанных терминов только частично тождественны. Отсюда возникает все неповторимое богатство каждого языка, но одновременно и трудность перевода. Чаще всего разница в семантических полях одного слова на исходном языке и его эквивалента на языке перевода зависит от разных контекстов, которые сами зависят от разных (географических, исторических, климатических и т.д.) условий. Приведу примеры на сказочном материале. Для работы я использовала все имеющиеся словари, среди которых надо отдать дань словарю В.И.Даля и этимологическому словарю М.Фасмера.

Первый пример: слово вино на русском языке, кажется, соответствует слову *vin* на французском языке. Что может быть проще? По мнению М.Фасмера корень обоих терминов не индоевропейский, он был заимствован из языков Средиземноморья через готский или латинский языки. Из этого следует, что в русском и французском языках слово вино одного корня. Посмотрим, как употребляется это слово в данных языках. Из-за географических и климатических условий вино из виноградного сока во Франции – самый распространенный аперитив, этот термин всегда означает забродивший виноградный сок.

В русской сказке слово «вино» употребляется. Его часто найдешь в конце сказки: «Мед и вино пил...» Если обратиться к словарю В.И.Даля, сразу становится понятным, что под этим термином, в первую очередь, подразумевается хлебное вино, т.е. водка. Вино в смысле виноградного вина в

русской сказке найдется, но, вероятнее всего, только в выражении «заморского вина», т.е. иностранное, привозимое вино. Итак, семантические поля этих тождественных по этимологии слов тождественны в одном смысле и расходятся в остальных, самых главных. Их семантические поля только частично пересекаются. Из этого простого примера видно, что механический перевод, не учитывающий языковые картины мира носителей языков, приводит к неточностям и даже к нелепостям.

Перейдем ко второму примеру. Прилагательное премудрая, как превосходная степень от мудрая, в сказке употребляется только в женском роде. Мудрый вообще применяется к человеку, который много знает (в волшебных сказках, к волшебнику). На французском языке термин переведен как sage, что соответствует этому значению, но только в мужском роде. Оказывается, что в женском роде, смысл другой: все французские словари толкуют прилагательное sage, примененное к лицу женского рода, как “с хорошим поведением”, а к ребенку, как “тихий, спокойный”. Отсюда видно, что нельзя останавливаться на каком-то переводе, который вначале кажется очевидным. Как же перевести его? Выбор подходящего прилагательного определяет поведение сказочной героини (Василисы или Елены), к которой оно прикреплено. Оказывается, Василиса или Елена вовсе не тихие или хорошего поведения девушки, а волшебницы, феи, хитрые девицы. Итак, здесь одному смыслу на русском языке соответствуют, зависящие от пола, два смысла на французском языке.

Из этого следует, что каждый трудный случай требует особого решения, зависящего от множества факторов, такие как происхождение, история слов, географическая среда, разные контексты, случайность, традиция и т. д. Заметим, что такие размышления вряд ли доступны какому-либо механическому переводу.

Перейдем к вопросу о влиянии переведенной русской сказки на современное бытование сказки во Франции. Полное издание сказок А.Н.Афанасьева на французском языке известно специалистам, но не широкой публике, а еще меньше детям. Однако некоторые русские сказки в нашем переводе стали почти общеизвестны, и каждая из них по-своему вошла в обиход. Три кумулятивные сказки были настолько освоены, что их уже считают французскими или, в лучшем случае, не задают себе вопроса об их происхождении. Это «Колобок», «Терем мухи» и «Репка». Дети дошкольного возраста их воспринимают как свои. Ничего удивительного нет в таком отношении к этим сказкам, так как их структура устойчива, они забавны и в них нет ни одной ярко выраженной национальной (русской) черты.

Две волшебные русские сказки также начали бытовать на французской почве. В обеих сказках Баба Яга выступает как один из главных персонажей: это сказка «Баба Яга» (Аф.103) и сказка «Василиса Прекрасная» (Аф.104). Тут дело обстоит немного по-другому (по сравнению с кумулятивными сказками). Во-первых, эти сказки не предназначены для очень маленьких детей. Во-вторых, они представлены и воспринимаются французским читателем именно

как «русские сказки»: в них сохранены все русские черты – имена, избушка, все необычные черты Бабы Яги. Тем не менее, эти сказки и в особенности первая, сильно «офранцузились»: уже потускнели мифологические черты ведьмы и всей обстановки, остались одни психологические побуждения, такие как враждебность и зависть старой ведьмы, противопоставляемые доброте и смекалке героини.

Можно сделать вывод, что легче всего переходят из одной традиции в другую детские сказки, волшебные ли они или нет. Более сложные сказки не так просто осваиваются культурой других народов. Этот процесс подразумевает или полное сходство в структуре, в сюжете, в подходе к персонажам, к действиям и т.д., или уравнивание, отождествление этих форм со свойственными заимствующей стороне сказочными формами. Независимо от перевода сказки воспринимаются, ассимилируются только в том случае, если они очень близки к сказочной языковой картине мира заимствующей страны.

Список использованной литературы:

1. Afanassiev A.N. Contes populaires russes / traduits et présentés par L. Gruel-Apert, avec la postface de T.G.Ivanova. Paris: Éditions Imago, 2009–2010. Т.1–3. [Русские народные сказки Афанасьева в переводе и с введением Л. Грюэль-Апер и с послесловием Т.Г.Ивановой. Париж: Изд-во Имаго, 2009–2010. Т.1–3].
2. Грюэль-Апер Л. Размышления переводчика // Russian Studies. СПб., 1995. Т.1, №4. С.82–97.
3. Бурдин С.М. О терминологической лексике // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. 1958. - № 4. - 57- 64 с.